

Толкачева С. В. Ритуальные угощения в русских свадебных обрядах Удмуртии / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 91—102. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-91-102.

Tolkachova, S. V. (2018). Ritual Treats in Russian Wedding Ceremonies in Udmurtia. *Nauchnyy dialog*, 6: 91-102. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-91-102. (In Russ.).

УДК 392.51(470.51)+392.81+392.86

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-91-102

Ритуальные угощения в русских свадебных обрядах Удмуртии

© Толкачева Светлана Викторовна (2018), orcid.org/0000-0002-9362-3017, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), svetlana-tolk@mail.ru.

Статья посвящена анализу ритуальных угощений в русских свадебных обрядах южных и центральных районов современной Удмуртии. На основе изучения полевых материалов, собранных автором в фольклорных экспедициях на территории Удмуртии, и опубликованных источников исследователей русского фольклора Удмуртии рассмотрен этикет угощения в традиционном свадебном обряде. Указано, что особенности ритуальных угощений нашли отражение в названиях некоторых свадебных эпизодов. Выполнен обзор кодов ритуала, задействованных в свадебных застольях. Рассмотрены виды употребления ритуальных напитков в свадебном обряде. Приведены описания трапез за свадебным столом в доме невесты. Рассмотрена традиция употребления «обручального» вина. В ходе исследования выявлено, что моления, приговорки дружки, исполнение величаний и свадебных песен, некоторые кинетические акты — обходы стола, опрокидывания стаканов, бросание в воду монет, приплясывания с курником — служили своеобразным освящением еды. Охарактеризованы фрагменты свадебного ритуала, в которых ярко проявлена числовая символика. Особое внимание уделено символике свадебного стола. Прослеживаются семантические связи между свадебным столом и невестой. Поднимается вопрос о роли тканых предметов — платков, скатерти, платочков, простыни — в оформлении свадебных застолий. Выявлено типологическое сходство ритуальных угощений в русской, удмуртской и бесермянской традиционных культурах.

Ключевые слова: традиционная свадьба; русский фольклор Удмуртии; трапеза; ритуальное угощение.

1. Введение

В русских традиционных свадьбах Удмуртии угощение служило одним из важнейших элементов ритуала и присутствовало во многих свадебных эпизодах. Иногда ритуальному застолью посвящался достаточно крупный фрагмент обряда. Ритуальными угощениями открывались многие свадебные эпизоды. С вкушением пищи или напитков напрямую соотносился ряд названий свадебных эпизодов — *чай пить, пропивки, пропивыши, гостинцы, на пряники* [Толкачева, 2013, с. 16—17]. Для некоторых носителей традиционной культуры ключевыми моментами свадебного обряда зачастую являлись эпизоды, связанные с принятием пищи или напитков. О прошедших свадьбах эти информанты вспоминали, ориентируясь по ситуациям свадебных угощений.

Данная статья посвящена исследованию традиции ритуальных угощений в русских свадебных обрядах южных и центральных районов современной Удмуртии.

2. Свадебное застолье: коды ритуала

Для русских свадебных застолий Удмуртии наиболее значимыми являются такие коды ритуала, как предметный, кинетический, пищевой, акустический, вербальный, персонажный, числовой и другие.

В сфере предметного кода свадебного ритуала, соотносимого с едой, задействованы стол, посуда, тканые вещи, продукты питания и напитки.

Особый статус в свадебном обряде занимали тканые вещи. Они служили важным оформлением многих фрагментов ритуала. В обычае *одаривания*, который проходил в течение свадьбы несколько раз в составе застолий, тканые вещи среди подарков главенствовали [Толкачева, 2011, с. 100—102].

Во время свадебных трапез в русской традиции Удмуртии звучали молитвы, песни, величания, приговорки дружки. Акустическому (музыкальному, вербальному) коду ритуала свадебных застолий был присущ ряд закономерностей. Например, активно использовалась символика числа три в виде троекратных повторов. Величания и песни до второго дня свадьбы исполнялись только женским ансамблем — *швеями / шитницами* (молодыми женщинами и девушками, помогающими невесте дошивать приданое).

Перед застольем в доме невесты в южных и центральных районах современной Удмуртии обычно звучал диалог дружки с родителями невесты, во время которого дружка *испрашивал* благословения *открыть* стол. По личным наблюдениям автора в фольклорных экспедициях на территории Удмуртии, женщины-информанты, хорошо знающие приговорки

дружки или воспроизводившие их в реальном обряде, в процессе аудио-записи зачастую пытались передать и их исполнительскую манеру. Они прочитывали или произносили приговорки громко, в очень быстром темпе и четком ритме. Однако периодически их дикция становилась «бормочущей», невнятной, как бы «скрывающей» смысл произносимого текста. Таким образом, определенные фрагменты свадебных приговорок дружки в акустическом отношении обладали сходством с заговорами.

Для акционального кода свадебных застолий были типичны точные или варьированные повторения некоторых действий, происходившие за свадебным столом в течение всего свадебного обряда. Такими повторяющимися актами в южных и центральных районах Удмуртии были моления, величания, чаепития, *одаривания* невесты, *открытие* стола, *обходы* стола. Активно использовалась магия движения — переворачивание, накрывание и открывание предметов, приплясывания с предметами, *обходы* стола [Толкачева, 2017, с. 292—294].

3. Трапезы за свадебным столом в доме невесты

Стол в доме невесты служил своеобразной пространственной осью многих свадебных эпизодов [Байбурин и др., 1990, с. 136; Мороз, 2008, с. 36]. Восприятие свадебного стола как особого праздничного ритуального пространства характерно для бесермянской традиционной культуры [Попова, 2015, с. 141]. В русской традиционной свадьбе южных и центральных районов современной Удмуртии кульминационные события первого дня свадьбы разворачивались вокруг стола. Выдержав испытания возле ворот и во дворе, связанные с выкупом невесты, поезжане проходили в дом и выстраивались возле стола в ряд. Невеста *одаривала* их *дарами*, после чего в сопровождении отца или жениха в свадебном одеянии выходила с *середи* (кухни) и трижды обходила стол под песню «Солнышко шло». *Дары дарить* невеста могла и во время трапезы. К свадебному столу невеста, держа за платочек за отца или жениха, выходила и в других свадебных эпизодах — во время ритуала с *гостинцами*, на *пропивках*.

К традиционным выкупам и *одариваниям*, происходившим возле свадебного стола, примыкали выкупы поезжанами самого стола и мест за столом. Только наделив детей или старушек конфетами, пряниками или мелкими деньгами, гости могли расположиться за столом в строго закрепленном традицией порядке — *по чину* [Толкачева, 2013, с. 21—25].

До начала трапезы в первый свадебный день стол был застелен простыней или покрывалом, которые открывались после троекратной просьбы дружки к родителям невесты *яству вскрыть*. Отец невесты отвечал:

«Бог благословит вас снять покрывало с кушаний!». Дружка снимал покрывало и просил у родителей невесты разрешения приступить к яствам. После ответа отца невесты: «Бог благословит вас первым вкусить приготовленное невестою кушанье», — крёстный невесты приносил поднос с рюмками и угощал всех поезжан вином [Болдырева, 2018, с. 209; Шуклина, 2012, с. 44—45]. Швей исполняли гостям величания. Далее невеста или старшая швея дарила поезжанам подарки. В конце свадебного застолья проходил обряд выноса и выкупа свадебного пирога — *курника*.

В традиционных свадебных застольях русских жителей Удмуртии в доме невесты отмечается активное взаимодействие кодов ритуала, параллельность символики. В акциональном коде ритуального застолья прослеживаются аллюзии между *открытием* свадебного стола и процессом вождения невесты отцом или женихом вокруг стола через платочек, происходит активизация символики первого явления — впервые перед гостями открывался свадебный стол, впервые в свадебном наряде появлялась перед поезжанами невеста.

Усиливали друг друга и обладали сходным, в чем-то параллельным, смыслом символика ткани, сакрального звука и закономерности пространственно-временного порядка — троекратные (реже двукратные) повторения молитвы, приговорок, *обходы* стола, направленные на акцентирование, усиление значимости свадебных ситуаций.

4. Традиционные напитки в русской свадьбе Удмуртии

4. 1. УПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ

Употребление спиртных напитков на свадьбе обладало несколькими функциями — ритуальной (в том числе магической), коммуникативной, инициационной, юмористической и др. «Обязательность же употребления спиртных напитков определялась сходством состояния опьянения и состояния смерти, таким образом осуществлялся контакт с миром мертвых» [Костина и др., 2008, с. 11].

Многие выкупы жениха и поезжан производились вином. Питьем спиртных напитков — вина, браги, пива — открывался обряд *пропой / пропивышки*, на котором принародно объявлялось о предстоящей свадьбе. После этого обряда начинались активные приготовления к свадьбе, а просватанная девушка приобретала статус невесты. На пороговый статус употребления вина на *пропое* и его связь с началом исполнения невестой причитаний указал Г. Е. Верещагин: «<Впервые> Причитает же она обыкновенно тогда, когда отец ее принял от жениха водку» [Верещагин, 2001, с. 53—54].

Крепкие напитки могли употребляться в разных локусах жилого пространства семей жениха и невесты — в доме, возле ворот дома. В доме невесты, до свадьбы или в первый свадебный день, после величания каждый *обвеченный* гость обязательно выпивал стакан вина / пива, который подавала ему *швея*. Деньги за величание он мог положить, в зависимости от локальной традиции, в стакан, на тарелку или на поднос. С наполненными пивом стаканами возле ворот дома невесты в день свадьбы *встречались*, то есть приветствовали друг друга, свахи жениха и невесты.

В Воткинском районе Удмуртии бытовали специальные обычаи, связанные с *обручальным* вином. Во время *обручения* «родители жениха и невесты ставят 2 бутылки обручального вина. Вино это никто не трогал, пока шло застолье». Когда гости начинают расходиться, «жених с невестой открывают теперь обручальное вино и подают гостям. А гости же за это денежки ложат». На застолье в доме невесты, проходившее в день венчания, во время величания гостей использовалось только *обручальное* вино [Болдырева, 2018, с. 206—207, 209].

В ряде локальных традиций утром второго дня свадьбы *молодой* традиционно выпивал алкогольный напиток, характеризуя выбором вида напитка «честность» своей супруги. Если его жена была «честной», он употреблял красное вино, в противном же случае *молодой* пил водку [Липина].

Итак, употребление спиртных напитков в русской традиционной свадьбе Удмуртии носило ярко выраженный ритуальный характер. Количество вина, браги, пива на свадьбе служило символом денежного эквивалента, достатка и богатства жениха, питье крепких напитков обладало семантикой «законного скрепления», соединения представителей родов жениха и невесты, согласия гостя со своеобразным «вхождением», «погружением» в ситуацию свадебного обряда. Выбор алкогольного напитка женихом на второй день свадьбы характеризовал нравственность невесты, а *обручальное* вино являлось символом невесты и дублировало процесс инициации невесты.

4. 2. ЧАЕПИТИЯ НА СВАТОВСТВЕ

Чаепития в свадебном обряде выполняли функцию коммуникации, установления контактов, взаимодействия представителей родов жениха и невесты и в большинстве своем были ориентированы на молодежь. В состав сватовства в южных районах Удмуртии включался обычай угощения сватов чаем — *чай пить*. Приглашение к чаепитию на сватовстве и на смотринах в большинстве локальных традиций служило знаком благоприятного начала свадьбы. Совместное распитие чая парнем и девушкой на сватовстве выражало их обоюдное одобрение будущего супружества [Тамаркина, 1995, с. 105; Татаринцев, 1990, с. 38].

В некоторых населенных пунктах в обычае чаепития включалась возможность отказа невесты от бракосочетания самым щадящим для сватов способом — с помощью специальных знаковых действий. Так, отказ девушки от замужества во время сватовства мог выражаться в ее совместном с женихом чаепитии только одного стакана или в переворачивании стакана вверх дном. Аналогично продемонстрировать свою антипатию к невесте при помощи только одного выпиваемого стакана чая и дальнейшего его опрокидывания мог жених [Толкачева, 2013, с. 16—17; Шуклина, 2012, с. 10].

4. 3. ЧАЕПИТИЯ В ЭПИЗОДАХ С ГОСТИНЦАМИ, НА ПРЯНИКИ

Чаепития включались в состав ряда относительно крупных эпизодов, проходивших до первого свадебного дня. В русской традиции Удмуртии было принято, чтобы после *пропоя* и до свадебного дня жених с друзьями несколько раз посещал невесту и *швей* и угощал их. Обычай угощения женихом невесты и *шитниц* пряниками отразился в названии свадебного эпизода *с пряниками*. Другие названия визитов жениха и его друзей к невесте, сопровождавшиеся чаепитием, назывались *день гостинцев / с гостинцами* [Верещагин, 2001, с. 61—65; Тамаркина, 1995, с. 106; Толкачева, 2013, с. 17—18].

Помимо жениха и его друзей, невесту и *швей* посещали односельчане, родственники. Для каждого гостя *швей* исполняли величание. Так они постепенно *спевались*, тренируясь в исполнении величаний перед свадьбой. Перед началом величаний *швей* закрывали лежащие на столе гостинцы платком. Каждому *обвеличенному* гостю преподносилась чарочка. В ответ гость одаривал девушек деньгами. После того, как величания исполнялись для всех желающих, *швей* открывали платок с угощения. Начиналось небольшое чаепитие и веселье [Татаринцев, 1990, с. 38].

Подробное описание эпизода *с гостинцами* приведено в очерке Г. Е. Верещагина «Свадебные обряды» [Верещагин, 2001, с. 61—65]. Сначала невеста угощала жениха чаем и дарила жениху и его друзьям платочки, а сестрам жениха — отрезки ситца. После чая жених выводил невесту за платочек к столу, они молились и снова садились за стол. Далее стол накрывали для всех гостей. Отобедав, гости клали на тарелки привезенные гостинцы и покрывали их подаренными невестой платочками «в знак» того, что они будут угощать *шитниц* после того, как те пропойт им величания: «*Когда тарелки будут накрыты, девушки поют отдельно каждому гостю, начиная с жениха, величание... Кто подарит в общую кружку девиц за величание..., тот вправе перецеловать всех девушек*». После завершения величания «*...гости приглашают девушек садиться за стол. Открывает каждый свою тарелку и угощает девушек...*».

Таким образом, в эпизоде с *гостинцами* прослеживается органичное сочетание нескольких свадебных обычаев: чаепитие жениха и невесты; *одаривание*; моление; общая трапеза присутствующих; величание; вознаграждение *швей* деньгами и гостинцами; покрытие тарелок или всех гостинцев платком и последующее их открытие; танцы, катание по деревне, исполнение песен.

Манипуляции с подаренными платочками над тарелками или общими гостинцами являлись вариантом открытия свадебного стола скатертью в первый день свадьбы в доме невесты. Это действие демонстрировало сакраментальную силу подаренных тканых предметов, раскрывало ритуальную значимость звукового кода свадебных застолий посредством исполнения молитв, величаний, приговорок.

В описании эпизода с *гостинцами* Г. Е. Верещагиным сообщен такой интересный факт, не отмеченный другими собирателями русского фольклора Удмуртии, как право «перецеловать» всех *швей* за пожертвование в общую кружку для сбора денег. В очерке показаны два вида вознаграждения *шитниц*. В первом варианте каждый гость лично преподносил угощение девушке из открытой им после величания тарелки. Во втором варианте вознаграждения *швей* за величание, деньги складывались в общую кружку или на блюде, поднос [Толкачева, 2013, с. 18, 24].

4. 4. Чаепития второго и третьего дней свадьбы

Во второй или третий свадебные дни свадьбы также существовал обычай пить чай, который был составной частью эпизода *подавай / хождение молодых по воду*. Этот обычай преследовал несколько целей [Матлин, 2013]. Одна из них — испытание молодых супругов. Набирать молодым воду и нести её домой мешали сопровождающие молодых родственники и односельчане. Молодую толкали, «...а жених должен её оборонять, не давать воду плескаться! Воду принесут — чай вскипятят...» [Шуклина, 2012, с. 9].

Другой целью обычая хождения по воду было своеобразное принесение жертвы *молодой* водному источнику, находившемуся «на территории» её мужа. Когда *молодая* набирала воду в вёдра, она обязательно бросала в водный источник — родник, ручей, реку — выкуп. Это могли быть монета, откушенный во время встречи родителей мужа кусочек от каравая, кудель и т. д. [Стародубцева, 1999, с. 50—51; Шуклина, 2012, с. 13]. В ряде локальных традиций зафиксирована своеобразная реверсия обычая бросания денег *молодой* в воду. Когда *молодая* приносила домой полные вёдра, гостей не пускали в дом до тех пор, пока они не бросали в воду деньги [Банникова; Толкачева, 2011, с. 109]. Чаем *молодая* поила всех присутствующих. По чистоте воды и наполненности вёдер гости судили о качестве

будущей семейной жизни молодожёнов — вода должна была быть чистой, а вёдра — полными. Тогда брак будет удачным [Тамаркина, 1995, с. 113].

5. Свадебный хлеб

Синонимами свадебного каравая в традиционной свадьбе Удмуртии были хлеб / булка. Булкой / хлебом встречали свадебный поезд в доме невесты и в доме жениха. Хлебом, наряду с иконами, благословляли жениха и невесту [Котова]. На второй или третий свадебные дни, во время похода молодых *за водой* к реке или роднику, вместе с медной монетой, *молодая* бросала в воду краюшку хлеба или, вместе с куделью, кусочек каравая, откушенный во время её встречи возле дома мужа [Кузнецова, Молкова].

Одной из разновидностей обрядового хлеба в свадебном ритуале были пряники и *курник* [Гура, 2011, с. 360]. Параллельное обозначение *курника хлебушко-караваем* бытовало в Каракулинском районе [Шавкунова]. Сведения об особенностях бытования *курника* в традиционной русской свадьбе Удмуртии изложены в работах В. Г. Болдыревой, Э. А. Тамаркиной, А. Г. Татаринцева, С. В. Толкачевой [Болдырева, 2015; Тамаркина, 1995, с. 111—112; Татаринцев, 1990, с. 44—45; Толкачева, 2016, с. 137—142; Толкачева, 2017].

6. Выводы

Итак, предварительный анализ полевых материалов по русской традиционной культуре южных и центральных районов современной Удмуртии показал большую значимость этикета угощения в свадебном обряде. Для большинства свадебных эпизодов задействие угощения оказалось характерным. Названия некоторых эпизодов отражали традиции угощения напитками, караваем или его модификациями.

Типологически сходная, но намного ярче выраженная ситуация сложилась в удмуртском фольклоре. Исследователями удмуртской традиционной культуры Т. Г. Владыкиной и Г. А. Глухой выявлены закономерности, демонстрирующие имманентные связи праздничной культуры удмуртов с ритуальными угощениями [Владыкина и др., 2015, с. 65].

Сакральность приема пищи и напитков в свадебном обряде поддерживалась сакрализацией элементов других кодов ритуала. Например, все застолья обязательно сопровождалось молитвами, приговорками, песнями, величаниями [Морозов, 2008, с. 17]. Своеобразным сигналом к началу трапезы служили молитвы, а также обращенное к Богу и предкам ритмичное произнесение приговорок. Артикуляция фрагментов приговорок с нарочито скрываемым смыслом произносимых слов обнаруживает сходство с заговорами. Звучание на свадебных застольях молитв, коллективного пения

молодых женщин, ритмизованных приговорок дружки демонстрировали сакральное отношение к звуку и крайнюю необходимость воспроизведения ритмичного звукового сопровождения как отправной точки для начала застолий. Таким образом, моления, приговорки дружки и исполнение величаний и свадебных песен служили своеобразным освящением еды. Причем предшествующие и сопутствующие ритуальным свадебным угощениям звуковое сопровождение и магические движения (обходы стола, опрокидывания стаканов, бросание в воду и напитки монеток, приплясывания с курником и т. д.) освящали как саму ситуацию, так и еду.

В символике числового кода свадебных ритуалов, связанных с угощением, в первую очередь привлекают внимание троекратные кинетические и вербальные действия: обходы стола невесты с отцом или женихом при выходе к гостям с *середи* и варьированные повторения приговорок дружек.

Определенные параллели наблюдаются в сакрализации стола и невесты, мотиве их принадлежности к иному миру, что косвенно подтверждается фактом первоначального соприкосновения с невестой и со свадебным столом через ткань, а дальнейшим *открытием* стола — после просьбы о благословении и прочтения молитв [Мороз, 2008, с. 42].

Покрытие тарелки с гостинцами платочками и снятие их для угощения *швей* только после величания соотносимы с манипуляциями с простыней, покрывающей свадебный стол. Особая роль ткани в свадебном обряде демонстрируется и в других свадебных обычаях: в многократных *одариваниях* невесты; в использовании разноцветных тряпочек для изготовления и украшения подарков поезжанам — плетей, муфты, цветов, и т. д. [Толкачева, 2011, с. 103, 109—111]. Яркой параллелью закрытого скатертью свадебного стола может служить подвенечный наряд самой невесты, поскольку обязательным элементом свадебного убранства невесты был платок с кистями, полностью скрывавшими ее лицо.

Информанты

Банникова — Банникова Александра Кузьмовна, 1918 г. р., дер. Чеганда Каракулинского района Удмуртской Республики.

Котова — Котова Александра Петровна, 1934 г. р., дер. Котово Каракулинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Куюки.

Кузнецова — Кузнецова Александра Демидовна, 1905 г. р., дер. Дремино Воткинского района Удмуртской Республики.

Липина — Липина Галина Степановна, 1935 г. р., г. Ижевск, уроженка совхоза «Удмуртский» Сарапульского района Удмуртской Республики.

Молкова — Молкова Нина Александровна, 1914 г. р., дер. Дремино Воткинского района Удмуртской Республики.

Шавкунова — Шавкунова Мария Григорьевна, 1923 г. р., дер. Котово Каракулинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Заборье.

Литература

1. *Байбурин А. К.* У истоков этикета : этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. — Ленинград : Наука, 1990. — 165 с.
2. *Болдырева В. Г.* Песня «Кума, кума выходила» в свадебной традиции Среднего Прикамья / В. Г. Болдырева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11 (61). — Ч. II. — С. 49—52.
3. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба Среднего Прикамья : локальные традиции, коды обряда, межэтнические связи : диссертация ... кандидата искусствоведения : 17.00.02 / В. Г. Болдырева. — Казань, 2018. — 276 с.
4. *Верещагин Г. Е.* Свадебные обряды / Г. Е. Верещагин // Собрание сочинений : в 6 т. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — Т. 3 : Очерки русских Вятско-Прикамского края — Кн. 2, Вып. 2. — С. 47—83.
5. *Владыкина Т. Г.* Половозрастная стратификация деревенского общества в удмуртском народном календаре / Т. Г. Владыкина, Г. А. Глухова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2015. — Вып. 3. — С. 64—77.
6. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 2011. — 936 с.
7. *Костина А. В.* От составителей / А. В. Костина, Л. Ф. Миронихина // Традиционное русское застолье. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — С. 7—14.
8. *Матлин М. Г.* Структура и семантика обряда послесвадебного цикла — посещения молодой / молодыми водного источника / М. Г. Матлин // Научный диалог. — 2013. — № 6 (18) : История. Социология. Этнография. — С. 88—110.
9. *Морозов И. А.* Обычаи, верования, магия, связанные с началом и завершением трапезы / И. А. Морозов // Традиционное русское застолье. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — С. 16—35.
10. *Мороз А. Б.* Стол в севернорусских поверьях и обрядах / А. Б. Мороз // Традиционное русское застолье. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — С. 36—43.
11. *Попова Е. В.* Стол как сакральный центр дома у бесермян / Е. В. Попова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2015. — Вып. 3. — С. 138—145.
12. *Тамаркина Э. А.* Реконструкция русского свадебного обряда южной части Удмуртии по современным записям / Э. А. Тамаркина // Вестник Удмуртского университета, 1995. — Вып. 5. — С. 103—114.
13. *Татаринцев А. Г.* Русский фольклор Удмуртии / А. Г. Татаринцев. — Ижевск : Удмуртия, 1990. — 368 с.
14. *Толкачева С. В.* Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии / С. В. Толкачева // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2011. — Вып. 4. — С. 99—112.

15. Толкачева С. В. Особенности бытования русской свадебной обрядности в Удмуртской Республике : хореография, кинетика, атрибутика / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 134—146.

16. Толкачева С. В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии : учебно-методическое пособие / С. В. Толкачева. — Ижевск : Удмуртский университет, 2013. — 60 с.

17. Толкачева С. В. Русские свадебные песни Удмуртской Республики : кинетический аспект / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 285—297.

18. Шуклина Т. А. Свадьба : учебное пособие / Т. А. Шуклина. — Глазов : ГГПИ, 2012. — 96 с.

Ritual Treats in Russian Wedding Ceremonies in Udmurtia

© Tolkachova Svetlana Viktorovna (2018), orcid.org/0000-0002-9362-3017, PhD in Philology, senior research scientist, Department of Philological Studies, Udmurt Federal Research Centre of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), svetlana-tolk@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of ritual treats in Russian wedding ceremonies in southern and central regions of modern Udmurtia. Based on the study of field materials collected by the author in folklore expeditions in the territory of Udmurtia and published sources of researchers of Russian folklore of Udmurtia, the etiquette of treats in a traditional wedding ceremony is considered. It is indicated that the features of ritual treats are reflected in the names of some wedding episodes. A review of the codes of the ritual involved in the wedding feasts is made. The types of the use of ritual drinks in the wedding ceremony are considered. The descriptions of the meals at the wedding table in the bride's house are given. The tradition of drinking the "wedding" wine is considered. The study reveals that praying, groomsman's sayings, singing of *velichaniya* and wedding songs, some kinetic acts — bypassing a table, tipping over glasses, throwing coins in the water, dancing with *kurnik* — served as a consecration of the food. The fragments of the wedding ritual, in which the numerical symbolism is clearly shown, are characterized. Special attention is paid to the symbolism of the wedding table. There are semantic connections between the wedding table and the bride. The question is raised about the role of woven items — scarves, tablecloths, handkerchiefs, sheets — in the design of wedding feasts. Typological similarities of ritual food in the Russian, Udmurt and Besermyan traditional cultures are revealed.

Key words: traditional wedding; Russian folklore of Udmurtia; meal; ritual treat.

References

- Bayburin, A. K., Toporkov, A. L. 1990. *U istokov etiketa: etnograficheskiye ocherki*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Boldyreva, V. G. 2015. Pesnya «Kuma, kuma vykhodila» v svadebnoy traditsii Srednego Prikamya. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 11 (61)/2: 49—52. (In Russ.).

- Boldyreva, V. G. 2018. *Russkaya svadba Srednego Prikamya: lokalnyye traditsii, kody obryada, mezhetnicheskiye svyazi: dissertatsiya... kandidata iskusstvovedeniya*. Kazan. (In Russ.).
- Gura, A. V. 2011. *Brak i svadba v slavyanskoy narodnoy kulture: semantika i simbolika*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Kostina, A. V., Mironikhina, L. F. 2008. Ot sostaviteley. In: *Traditsionnoye russkoye zastolye*. Moskva: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo folklora. (In Russ.).
- Matlin, M. G. 2013. Structure and Semantics of Post-Wedding Cycle Rite – Bride’s / Newlyweds’ Water Source Visiting. *Nauchnyy dialog, 6 (18): Istoriya. Sotsiologiya. Etnografiya*: 88—110. (In Russ.).
- Moroz, A. B. 2008. Stol v severnorusskikh povoryakh i obryadakh. In: *Traditsionnoye russkoye zastolye*. Moskva: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo folklora. (In Russ.).
- Morozov, I. A. 2008. Obychai, verovaniya, magiya, svyazannyye s nachalom i zaversheniyem trapezy. In: *Traditsionnoye russkoye zastolye*. Moskva: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo folklora. (In Russ.).
- Popova, E. V. 2015. Stol kak sakralnyy tsentr doma u besermyan. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy, 3*: 138—145. (In Russ.).
- Shuklina, T. A. 2012. *Svadba: uchebnoye posobiye*. Glazov: GGPI. (In Russ.).
- Tamarkina, E. A. 1995. Rekonstruktsiya russkogo svadebnogo obryada yuzhnoy chasti Udmurtii po sovremennym zapisyam. *Vestnik Udmurtskogo universiteta, 5*: 103—114. (In Russ.).
- Tatarintsev, A. G. 1990. *Russkiy folklor Udmurtii*. Izhevsk: Udmurtiya. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2011. Gendernaya spetsifika obychayev odarivaniya v russkikh svadebnykh obryadakh Udmurtii. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy, 4*: 99—112. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2013. *Russkiy muzykalnyy svadebnyy folklor Udmurtii: uchebno-metodicheskoye posobiye*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2016. Peculiarities of Russian Wedding Rituals in Udmurt Republic: Choreography, Kinetics, Attributes. *Nauchnyy dialog, 11 (59)*: 134—146. (In Russ.).
- Tolkachova, S. V. 2017. Russian Wedding Songs of Udmurt Republic: Kinetic Aspect. *Nauchnyy dialog, 11*: 285—297. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-285-297. (In Russ.).
- Vereshchagin, G. E. 2001. Svadebnyye obryady. In: *Sobraniye sochineniy, 6/3 : Ocherki russkikh Vyatsko-Prikamskogo kraya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Vladykina, T. G., Glukhova, G. A. 2015. Polovozrastnaya stratifikatsiya derevenskogo obshchestva v udmurtskom narodnom kalendare. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy, 3*: 64—77. (In Russ.).